

ЛИНГВИСТИКА

Л.А. Инютина

Новосибирский государственный университет

К методике реконструкции семантического поля по данным памятников письменности донационального периода

Аннотация: В работе рассмотрена проблема реконструкции семантического поля в диахронии, которая объективно обусловлена несовпадением современного языкового сознания с менталитетом носителей языка, создававших несколько веков назад тексты, привлекаемые в качестве материала исследования. Описана методика семантического анализа лексико-фразеологических единиц в памятниках томской деловой письменности XVII в., позволяющая выявить семантические парадигмы, формирующие ядро и периферию семантического поля, представить его структуру как иерархию семантических парадигм.

In this paper the issue of semantic field recomposition in diachronic aspect is examined. This problem is objectively stipulated for discrepancy between the contemporary linguistic mentality and the one of the native speakers who created several centuries ago the texts which are used as material for this research. The methodology of semantic analysis of the lexico-phraseological units in the business manuscripts of the XVIIth century is described. This permits to reveal the semantic paradigms forming the nucleus and the periphery of the semantic field and present its structure as a hierarchy of semantic paradigms.

Ключевые слова: семантическое поле, семантическая парадигма, ядро, периферия.

Semantic field, semantic paradigm, nucleus, periphery.

ББК: 81.2 Рус – 3.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: ljudina@yandex.ru.

История русского языка в Сибири в большей мере изучена в той части, которая связана с формированием русских говоров на этой территории. Основным источником изучения этого процесса стали памятники местной деловой письменности XVII – XVIII вв., поскольку они были «наиболее открыты для проникновения диалектных явлений», чем тексты книжно-письменного языка [Панин, 2006, с. 136]. В нашей работе использован материал, отбирившийся из западносибирских деловых документов: челобитных, воеводских отписок, росписей земель, крестьянских книг, сказок о посольствах и др.

Если же иметь в виду «необходимость одновременного исследования формирования сибирских народных говоров и культурно-языковых процессов» и поиска общего в их развитии (о чем в настоящее время можно говорить лишь как о стоящей перед сибирской лингвистикой проблеме), а также полагать, что «основу этой общности составляла традиция» и «противоположные ей языковые новообразования» [Панин, 2006, с. 135], то нам представляется наиболее важным и перспективным обратить внимание на изучение внутренней, семантической стороны языка. Это наблюдение над процессом «конкуренции» как общерусских, так

и диалектных лексических единиц разных материнских говоров, участвовавших в сложении того или иного сибирского русского диалекта [Палагина, 2007, с. 79–90] и далее – над межсловным взаимодействием единиц в формирующемся вторичном говоре, кроме того, это выяснение внутрисловных изменений: в семантической структуре лексем, составивших лексико-фразеологическую систему нового сибирского говора, в структуре каждого лексического значения.

В арсенале историка языка, помимо традиционного историко-культурного описания лексикона, есть все методы изучения лексической семантики, применяемые в современном языкознании. Их использование в историко-семасиологическом исследовании имеет свою специфику, что закономерно, и свои трудности, что обусловлено сегодняшним состоянием русской исторической лексикологии. Одним из таких методов в семасиологии является метод семантического (понятийного) поля.

Понятие семантического поля и представление о его признаках в отечественной семасиологии вполне устоялись [Березович, 2004; Караулов, 1981; Падучева, 2001; Пак, 2006]. Как известно, целостность структуры любого семантического поля определяется существованием внутренних связей, характерных для той системы, в которую входит данное поле. Вместе с тем внутренние связи между составляющими поле компонентами характеризуются большей интенсивностью «по сравнению с его внешними связями, без изучения которых опять-таки немислим системный анализ» [Караулов, 1981, с. 173]. Такая замкнутость системных фрагментов понятийного поля «коррелирует с открытостью их состава, допустимостью пополнения их списка» [Там же].

В работе рассматривается методика реконструкции семантического поля по данным памятников западносибирской деловой письменности XVII в. на примере поля «пашня».

1. Контекстный анализ лексических единиц в отобранных для описания памятниках письменности становится инструментом такого исследования. Данные современных диалектов, бытующих на той территории, где были созданы тексты, к реконструкции словника привлекать возможно [Палагина, 2007, с. 73], а к реконструкции семантической системы – сомнительно, так как трудно избежать экстраполяции современного языкового сознания на языковые факты предшествующей эпохи. Думается, что в историко-семасиологических интерпретациях, чтобы оставаться корректным и объективным, следует опираться прежде всего на данные текстов интересующего исследователя периода. А далее – в зависимости от целей и аспектов исследования – ограничивать или расширять их круг.

Контекстный анализ местных деловых документов позволяет, как известно, определить синтагматическое и парадигматическое структурное значение, то есть выяснить структурный компонент значения лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ) [Апресян, 2001; Новиков, 1982; Стернин, 1988]. В результате использования системно-структурного метода и сопоставления полученных данных с имеющимися сведениями из исторических толковых словарей и с историко-культурным описанием ЛФЕ выявляются лексические ряды, в которые входит та или иная единица, оказывается возможным объективно определить лексическое значение ЛФЕ, и, следовательно, понять, в формировании каких семантических парадигм (СП) реконструируемого семантического поля участвуют анализируемые семемы.

Последовательность такого анализа представим на примере слова *заимка*, являющегося одной из достаточно частых лексических репрезентаций СП поля «пашня». В сибирских памятниках письменности слово *заимка* зафиксировано с XVII в. [Сл. ...Сибири, 1991, с. 45] и находилось в активном употреблении вплоть до XIX в. Контексты XVII в.:

1. ...*расселиться нам сиротам твоим за Басандайкою рекою негде потому что государь от тех детей боярских и от служилых людей и от бухарцев место после их заимок осталось невелико*. 1648 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 109, л. 58].

2. ...*и твоєї гсдрвоі пашины у меня пахат некому и твоя гсдрва пашня ниши заимки запустеѢт*. 1648 г. [РГАДА, ф. 214, е.х. 307, л. 264].

3. ...*владеют особою своею земляною заимкою вверх по Томи реке да на речке Якуниной*. Начало XVII в. [Бояршинова, 1952, с. 50].

4. ...*а владеют они тою пащенкою заимкой по данной со 142 году от устья речки Киргизки вверх по речке Киргизке всего с роспаиными и заложными землями и з боровым местом*. Начало XVII в. [Бояршинова, 1952, с. 137].

5. *В новой слободе и на другои заимке сжато 151 сотница 60 снопов ржи*. 1637 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 70, л. 509].

6. (Письменный голова) *написал на нас на холпеі твоих тѢ наши заимчишки пашинами и деревнами болишма а нас холопеі твоих написал коренными заводными людьми*. 1641 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 413].

7. ...*а житьем мы холопі твоі на тѢх своих заимчишках не живемъ и дворов и заводов деревенских хором у нас у холопеі твоих на тѢх наших пашинишках нѢт и на тѣх наших пашинишках тот хлѣб у нас ухолопеі твоих по многие лѣта уходит под снег потому что снят ево некому...* 1641 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 415].

Синтактика: *заимка* какая: *земляная, пашенная, особая, другая;*

заимка чья: *наша, своя, их, у нас;*

заимка где: *за Басандайкою рекою, вверх по Томи реке, на речке Якуниной, от устья речки Киргизки вверх по речке Киргизке;*

на *заимке* есть что: *снопов ржи, дворов и заводов деревенских хором, с роспаиными и заложными землями;*

заимка + глагол: *владеть заимкою, написать, записать заимкою, жить на заимке, сжато на заимке, пахать заимку.*

Парадигматика (ряды ЛФЕ): *заимка (заимчишка) – пашня (пашишка)* (контексты 6, 7); *пашенная заимка – роспаиная и заложная земля* (контекст 4); *заимка – деревня – слобода* (контексты 5, 6); *заимка – расселиться* (контекст 1).

Таким образом, в текстах томского делового письма XVII в. слово *заимка* фиксируется в двух значениях: 1) *заимка* (1) – 'действие по глаголу *заяти*, т.е. занять, взять себе в свое пользование' (контексты 1, 2). Это действие в условиях хозяйственного освоения сибирских земель близко к действию 'расселиться'. В контекстах обозначен субъект действия, объект – место, земля со вполне определенными географическими границами и цель – распашка участка и выращивание хлеба.

2) Второе значение – 'участок земли, занятый кем-либо для хозяйственного использования'. В этой семеме актуальными семами являются: а) 'место, участок, земля'; б) 'результат действия *занять*'; в) 'владение, принадлежащее кому-либо'; г) 'использование для распашки и выращивания хлеба'; д) 'место, где живут'. Такая структура лексического значения обуславливает включенность ЛСВ *заимка* (2) при типовой сочетаемости с *пашенная, земляная* в разные СП: *заимка – пашня* и *заимка – деревня – слобода*. Таким образом, *заимка* (2) в речи томских первопоселенцев – это 'участок свободной от тайги земли, занимавшийся кем-либо для распашки и часто становившийся началом небольшого поселения'.

Результатом первого этапа конструирования семантического поля по данным памятников письменности является, таким образом, определение организующих семантические парадигмы этого поля лексических значений единиц путем выяснения их синтагматического и парадигматического структурного значения, выявления при необходимости структуры лексического значения, уточнения семантической структуры многозначных слов.

2. Решение задачи реконструкции семантического поля на основании анализа ограниченного корпуса текстов, отделенных от исследователя хронологически, когда невозможно проверить наблюдения и выводы экспериментально, опираясь на речевую практику носителей языка, сталкивается с необходимостью уточнения признаков, релевантных для семантического поля в диахронии. Ключевые вопросы: определение границ поля; определение границ его ядра и периферии.

Так, при определении границ семантического поля «пашня» «интенсивные внутренние связи» обнаруживаются и для его ядра, и для периферийных сфер. Например, семантическим центром этого поля в текстах томской деловой письменности XVII в. является понятие *пашня* – ‘место, используемое для выращивания хлеба; то, что пашут и засевают’. Поскольку СП понимается в работе как совокупность смыслов, выраженных в различных лексических рядах, а семантическое поле конструируется ядерными и периферийными СП, то в анализируемом поле «пашня» определены две ядерные СП: *пашня – хлеб (хлебное жалованье, оклад)* и *пашня – земля*.

Эти СП определяются нами в качестве ядерных, потому что семемы лексических репрезентантов этих СП по набору семантических признаков наиболее близки значению имени поля. Например, установленным фактом является то, что для метрополии снабжение хлебом и вообще продовольствием увеличивавшегося населения Западной Сибири (к второй половине XVII в. – всей Сибири) было большой проблемой. Ее решением стало получение хлеба с сибирской пашни. В анализируемых текстах отражен процесс организации местной запашки, поэтому зафиксированы постоянно употребляемые лексические ряды: *пашня / пахать – государева пашня – хлеб; пашня / припахивать – собинная пашня – хлеб*:

...а на твоих гсдрвых пашнях и на наших пашнишках хлѢбу недород в прошлом гсдрь во РМС году било градомъ... да в ннешнем гсдрь во РМѠ-году... хлѢба недород потому что гсдрь была сѣма студенаѣа а снегі были мѢлкие и на тѢх на наших пашнишках на горах рож исчезли корену выдула. 1643 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 112, л. 416–417].

Значения же ЛФЕ, называющих в этих текстах свойства местной пашни, например, описывающих суровые климатические условия Сибири (*недород* (4 употребления¹), *снеги (мелкие / большие)* (2), *исчезнуть* (1), *уходить под снег* (1), *бить градом* (1), *выдуть корену* (1), *пропасть даром* (1), *зима стала* (1), *хлебы запали* (1), *выпахались, недород*), определяющих Сибирь как место, освоение которого требует огромного труда, всех сил крестьянина (*в силах, насилу, чюд живы*), как место разорения крестьян и служилых людей (*голою, безденежно, бедность, бедной, обеднели, одолжали*), образуют одну из периферийных сфер – 2-ую ближнюю периферию семантического поля «пашня». Семантика этих единиц формирует СП *пашня – невероятные трудности*, отражающую одновременно денотативное содержание (сибирская пашня – это трудное, тяжелое дело) и эмоционально-оценочное («неимоверно», «нечеловечески», «очень»).

Ряды ЛФЕ состоят из единиц разных грамматических классов и разной структуры (слова и устойчивые словосочетания). В ходе анализа учитываются семантические признаки в их семемах, общие с ключевым словом (именем поля), и количество фиксаций в исследуемых текстах, поскольку, как уже показано в работе, это свидетельствует о степени семантического тяготения той или иной ЛФЕ к ядру поля или о значительном семантическом расстоянии от него. Показательно, например, сравнение приведенных выше данных о количестве употреблений единиц и их семантике, формирующей периферийную СП *пашня – невероятные трудности* (1–2, максимум 4 словоупотребления), с показателями репрезентантов двух названных выше ядерных СП *пашня – хлеб* и *пашня – земля: государева де-*

¹ В работе приводятся сведения о количестве употреблений в западносибирских пашняках только одного жанра – челобитных.

сятинная пашня (21), *пашня* (4), *пашнишка* (4), *(государева) десятина* (4), *поле* (1), *место пахотное* (1), *место* (2), *заимка* (3); *пахать* (9), *распахивать* (1), *выпахаться* (1), *припахивать* (1), *сеять* (1), *снять (хлеб)* (1), *запустить* (1), *залечь* (1), *присевка* (1).

3. Структура семантического поля представлена как иерархия СП. Определенные конфигурации семантического поля – итог анализа отношений между СП, сформированными, как уже сказано, значениями ЛФЕ, семантическими отношениями в рядах ЛФЕ в исследуемых текстах. Так, к ближней периферии семантического поля «пашня» в томских челобитных мы отнесли три сферы, описывающие вспаханное, пригодное под пахоту место с разных точек зрения: 1) с точки зрения деятельности человека на земле: ‘как, каким образом ведется пашня’, 2) оценки человеком свойств этого места: ‘пашня какая’ и 3) характеристики места относительно других объектов в пространстве: ‘пашня где’.

ЛФЕ первой ближней периферийной сферы семантического поля «пашня» выражают «деятельностную» характеристику места. Они называют землю как место, на котором располагается крестьянское хозяйство и на котором постоянно занимают полеводством. В наших текстах это имена существительные и устойчивые атрибутивные словосочетания: *дворишко* (4), *двор* (1), *деревенские хоромы* (1), *селитьба* (1), *житье* (1); глаголы и устойчивые глагольные словосочетания: *жить* (3), *проживать* (1), *быть (в пашенных крестьянах)*, (1) *поставить (в пашню)* (1), *посадить на пашню* (1), *посадить в места* (1). Значения названных единиц создают семантические отношения СП *пашня – селитьба*. Например: *И послали они в томском душею да тѢломъ людшка бѣдныа в томском де гдрь городе для твоеа гдрвоі пашни и новоі селидбы из твоеі гсдрвоі казны денежныа подмоги на лошадиную поупку и на всякоі пашенноі завод имъ не давано і имъ... лошадеи пашенново заводу купит и твоеі гсдрвоі пашни пахат было нечим. 1634 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 109, л. 48]; Да от той же слобоцкоі селидбы от красново яру в верстѢ или в полу .в. пошли елани дубровныа пахотныа хлѢбородныа десятин сотъ на .s. j болші и тѢ земли угодны под гсдрву десятинную пашню. 1670 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 885, л. 26]; В верхотурскомъ ѳѢзде по рѢчке бобровке пашетъ вновь крстьянин рудного железног дѢла матюшка Соколов j дворомъ построилъ. 1670 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 885, л. 22]; Да і в верхъ по таре рекѢ приискалі землі под слоботцкую селидбу и лугі под скотцкие выгоны j под санныа покосы и рыбныа ловли и пашенныа землі под гсдрву десятинную пашню и под крстьянскыа собинныа пашни. 1670 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 885, л. 26–27].*

Писавшие оценивали новые земли с позиции возможности *жить* на них: *занять (заимка)*, *распахать пашню*, *поставить дворы*, *деревенские хоромы*. Устойчивые обороты *ставить в пашню*, *посадить на пашню* обозначают именно этот процесс освоения земель. Таким образом, *пашня* – это место оседлого существования, *селитьбы*.

Слово *заимка*, семантическая структура которого описана выше, также обозначало деятельное освоение пространства. В Сибири XVII в., если человек занимал землю, то его *заимка* предполагала распашку угодья. При описании земельных угодий в текстах разных сибирских территорий лексема *заимка* (а также *займище*) постоянно употребляется в значениях ‘занятие чего-либо’ и ‘занятый кем-то участок земли с различными угодьями, с поселением или хозяйственными постройками на нем’. Со второй половины XVII в. сибирские земли чаще описывались как уже принадлежащие кому-либо и обрабатываемые, используемые в хозяйственных целях [Инютина, 2002, с. 117]: *...томскыа всяких чинов люді заімовали пашенныа заимки и с тѢх гсдри пашен велел я холоп вашъ собрат в вашу великих гсдрей казну пятинноі выделноі хлѢб. 1689 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 1052, л. 221]; ...а пашенная ево заимка в деревне Вороновоі промеж речек Ушаики и Басандаики... 1703 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 1371, л. 423].*

Слово *заимка* в наших текстах называет поселение и входит в лексический ряд, единицы которого обозначают населенные пункты как место, где занимаются пашней, место, возникшее и располагавшееся около пашни: *село* (4), *город* (3), *заимка* (*заимчишка*) (3), *деревня* (2), *слобода*. В этот ряд включена и онимическая лексика: *Томской* (7), *Томской город* (7), *Спасское село* (3), *Тобольск* (2), *Верхотурский уезд* и др. Семантика этих лексем (денотативного характера – у нарицательных имен, референтного – у ойконимов) образует СП *пашня – селитьба*. Это связано с тем, что, как известно, хозяйственное освоение территории Сибири в XVII в. могло вестись только вблизи укрепленных мест (*город*¹, *острог*, *острожек*): *...и досмотрѣти мочно ли на усти утсы реки быті городу или острогу и подошли ли угодные мѣста пашенные и сенные покосы и лѣса и рыбные ловлі і всякие угодья и мочно ли тот город или острог укрепити*. 1666 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 646, л. 147].

Словосочетания *сенные покосы* (1), *место луговое* (1), *скотинный выпуск* (1), обозначавшие место, используемое для ведения хозяйства помимо пашни, находившееся около пашни, также выражают смысл деятельного освоения пространства: *...по твоему гсдрву указу в томском... дали мнѣ под пашню вверхъ томи реки выше Сосновки речки версты з две на томи рѣке возле курю до уклону болия ялани а с верхнею и с нижнею сторону до болот... А сенные покосы і скотинной выпускъ от тово мѣста за курю мѣсто луговое...* 1650 г. [РГАДА, ф. 214, е. х. 381, л. 328].

Таким образом, семемы перечисленных ЛФЕ выражают отношения в СП *пашня – селитьба* и формируют первую ближнюю периферийную сферу поля «пашня».

Структура семантического поля «пашня» в результате анализа текстов западносибирской деловой письменности XVII в. представлена так (см. таблицу): ядро поля, три ближних периферийных сферы, три дальних периферийных сферы, одна из которых (1.1) соотносена с первой ближней периферией «как ведется пашня», две других (3.1, 3.2) – с третьей ближней периферией «пашня где».

Таблица

Ядро поля	СП: <i>пашня – хлеб, пашня – земля</i> . ЛФЕ: (<i>государева десятинная</i>) <i>пашня</i> (21), <i>пашня</i> (4), <i>пашинишка</i> (4), (<i>государева</i>) <i>десятина</i> (4), <i>поле</i> (1), <i>место пахотное</i> (1), <i>место</i> (2); <i>пахать</i> (9), <i>распахивать</i> (1), <i>выпахаться</i> (1), <i>припахивать</i> (1), <i>сеять</i> (1), <i>снять (хлеб)</i> (1), <i>запустить</i> (1), <i>залечь</i> (1), <i>присевка</i> (1).
1-я ближняя периферия	«Как, каким образом ведется пашня». СП: <i>пашня–селитьба</i> . ЛФЕ: <i>дворишко</i> (4), <i>деревенские хоромы</i> (1), <i>селитьба</i> (1), <i>житье</i> (1); <i>жить</i> (3), <i>проживать</i> (1), <i>поставить в пашню</i> (1), <i>посадить на пашню</i> (1); <i>село</i> (4), <i>город</i> (3), <i>заимка</i> (3), <i>деревня</i> (2); <i>Томской</i> (7), <i>Томской город</i> (7), <i>Спасское село</i> (3), <i>Тобольск</i> (2).
1.1 Дальн. периферия	СП: <i>пашня – пашенный завод</i> . ЛФЕ: <i>пашенный завод; лошадь, плуг, соха</i> .
2-ая ближняя периферия	«Пашня какая». СП: <i>пашня – невероятные трудности</i> . ЛФЕ: <i>недород</i> (4), <i>снеги</i> (2); <i>исчезнуть</i> (1), <i>уходить под снег</i> (1), <i>бить градом</i> (1), <i>выдуть корену</i> (1), <i>пропасть даром</i> (1); <i>зима стала</i> (1), <i>хлебы запали</i> (1); <i>ниоткуда нѣт</i> ; <i>невозможно стало</i> ; <i>пахат было нечим</i> ; <i>снят некому</i> ; <i>безденежно, исчезла, выпахались, перевелись, недосылка</i> .
3-я ближняя периферия	«Пашня где». СП: <i>пашня – новое место</i> . ЛФЕ: <i>привоз (хлебным запасам)</i> (13), <i>проезд</i> (1), <i>присылка</i> (1), <i>недосыл-</i>

¹ См. *пашенной город* [Сл. ...Томска, 2002, с. 177].

	<i>ка (1), место новое (2), место украинное (1); послать (1), прислать (1), перевести (1), приволочься (1); ниоткуда (3), негде (2), близко (1).</i>
3.1 Дальн. периферия	СП: <i>пашня – граница.</i> ЛФЕ: <i>болото (3), курья (3), лес (2), мокрое место (1), кочки (1), речки (1), гора (1), ялань (1), верхняя (нижняя) сторона, уклон (1); Томь река (3), Басандайка река (2), Сосновка речка (2).</i>
3.2 Дальн. периферия	СП: <i>пашня – размер.</i> ЛФЕ: <i>верста (3), сажень (2), (длиннику (1), по мере (1), большой (1).</i>

Источники

а) рукописные

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 – Столбцы и книги Сибирского приказа, е. х. 109, л. 45 – 59; е. х. 307, л. 260 – 268; е. х. 70, л. 500 – 512; е. х. 112, л. 410 – 430; е. х. 1052, л. 212 – 224; е. х. 1371, л. 420 – 428; е. х. 381, л. 300 – 338; е. х. 885, л. 21 – 33; е. х. 646, л. 146 – 148.

б) письменные

Бояршинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории земледелия в СССР. М., 1952. С. 3–150. Сб. 1.

Сл... Сибири – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сл... Томска – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. Томск, 2002.

Литература

Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–23.

Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

Инютина Л.А. История слова «заимка» в лексико-семантической системе томского говора (XVII–XX вв.) // Проблемы лингвистического краеведения: материалы межвуз. науч.-практ. конф. / сост. Т.А. Сироткина; отв. ред. О.В. Гордеева; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. С. 114–121.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.

Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–33.

Пак И.Я. Языковое воплощение образа дерева (растения) в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 (отдельные разделы) // В.В. Палагина: годы и труды. Томск, 2007. С. 25–203.

Панин Л.Г. О словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – XVIII вв. // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека: материалы международ. науч. конф.; отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск, 2006. Вып. 3. С. 132–143.

Стернин И.А. Об основных понятиях семантического анализа многозначного слова // Лингвистический анализ в школе и вузе. Воронеж, 1988. С. 64–72.